

A surreal landscape featuring floating islands with dense green vegetation and long, thin, vine-like structures hanging down. In the foreground, a person wearing a red coat and a hat stands on a rocky shore, looking out at the water. The sky is overcast and misty, with a few birds flying in the distance. The overall atmosphere is mysterious and ethereal.

Айкокул Кадыр
КЫЗЫ

Гомеостаз. Эхо Пустого Берега

Айкокул Кадыр кызы

Гомеостаз. Эхо Пустого Берега

«Автор»

2026

Кадыр кызы А.

Гомеостаз. Эхо Пустого Берега / А. Кадыр кызы — «Автор»,
2026

Его мир — это стерильная платформа посреди мертвого океана. Его жизнь была predetermined Советом до последнего вздоха. Но дневник отца открывает правду: где-то на зараженной суше есть выжившие. Побег Артёма оборачивается встречей с новой реальностью и шокирующим открытием — он генетическая аномалия, способная установить контакт с Сущностью. Таинственным коллективным разумом, который медленно поглощает планету, превращая леса в пульсирующую биомассу. Совет видит в нем оружие. Радикалы — ключ к уничтожению врага. Но сам Артём понимает: единственный шанс для человечества — не война, а диалог. Даже если для этого придется растворить свое сознание в безбрежном Океане Логике.

© Кадыр кызы А., 2026

© Автор, 2026

Айкокул Кадыр кызы

Гомеостаз. Эхо Пустого Берега

Глава 1. Стерильность

Мир Артёма пах озоном, стерильным пластиком и едва уловимой, тщательно отфильтрованной свежестью. Этот запах был единственным, что он знал с рождения. Он жил на «Авроре» — колоссальном орбитальном комплексе, зависшем на геостационарной орбите над Тихим океаном. Для миллиардов людей внизу «Аврора» была символом триумфа инженерной мысли, маяком прогресса и гарантом безопасности. Для Артёма это была клетка. Золотая, безупречно чистая, но клетка.

Его день начинался не с рассвета — за панорамным окном его каюты царила вечная космическая ночь, пронизанная лишь холодным светом далёких звёзд и отражённым сиянием Земли. День начинался с мягкого перелива акустического будильника и ровного, лишённого эмоций голоса ИИ-ассистента: «Доброе утро, Артём. Уровень кислорода 21.1%, влажность 45%. Ваш график на сегодня: 08:00 — инспекция сектора G-7; 13:00 — калибровка атмосферных фильтров; 18:00 — плановая диагностика систем жизнеобеспечения».

Артём был системным инженером. Его работа заключалась в поддержании идеального баланса этого рукотворного мира. Он проводил часы в лабиринтах технических коридоров, проверяя показания на голографических дисплеях, слушая монотонное гудение вентиляционных шахт и щелчки реле. Его мир был миром цифр, графиков и безупречной логики. Здесь не было места хаосу, случайности или живому несовершенству. Каждая пылинка была врагом, каждая бактерия — потенциальной катастрофой.

Быт на «Авроре» был выверен до секунды. Пища поступала из гидропонных ферм в виде питательных брикетов с нейтральным вкусом. Одежда была из самоочищающегося синтетического волокна. Общение происходило преимущественно через защищённые каналы связи. Личные встречи были редки и строго регламентированы. Эмоции считались дестабилизирующим фактором. Идеальный мир «Авроры» был миром порядка, но этот порядок был бездушным. Это был гигантский, безупречно работающий механизм, где люди были лишь идеально подогнанными шестерёнками.

Сегодняшняя инспекция сектора G-7 проходила по стандартному протоколу. Артём скользил по узкому техническому тоннелю, освещая мощным фонарём пучки оптоволоконных кабелей и армированные трубы системы охлаждения. Сектор считался одним из самых старых на станции, построенным ещё на заре колонизации орбиты. Стены здесь были толще, а переборки несли на себе следы давних сварочных швов.

Внезапно его внимание привлекла аномалия. В нише между двумя магистральными кабелями стена была не идеально гладкой. Под слоем вековой пыли угадывался контур технологического люка, не отмеченного ни на одной из актуальных схем станции. Сердце Артёма пропустило удар. Любое отклонение от нормы было немыслимо на «Авроре». Любая несанкционированная деталь подлежала немедленному докладу в Службу Контроля.

Но вместо того чтобы вызвать дежурного инспектора, Артём ощутил странный, почти забытый трепет — любопытство. Он активировал на своём планшете универсальный инстру-

мент и осторожно поддел край панели. С тихим шипением, которое в оглушительной тишине тоннеля прозвучало как выстрел, герметизирующая прокладка поддалась.

За панелью оказалась небольшая полость. Внутри, защищённый от времени и вакуума, лежал свёрток из плотной металлизированной ткани. Артём дрожащими руками извлек его. Это был не просто тайник. Это была капсула времени.

Развернув ткань, он увидел потрёпанный блокнот в кожаном переплёте и небольшой инфокристалл старого образца. На обложке блокнота каллиграфическим почерком было выведено: «Личный дневник. Михаил Волков». Его отец.

Михаил Волков был легендой «Авроры». Главный архитектор станции, человек, чьим гением был создан этот мир. Он погиб десять лет назад во время аварии в главном реакторном отсеке. Официальная версия гласила о самопожертвовании: он вручную изолировал поврежденный сегмент, чтобы спасти станцию. Артём помнил отца как икону, как безупречного героя из официальных хроник.

Но то, что он прочитал на первой же открытой странице, перевернуло его мир.

«14 октября 2142 года (или какой у нас там сегодня год по старому календарю?). Я больше не могу это писать в сети. Любая мысль, не одобренная Советом Директоров, может быть расценена как сбой и привести к изоляции. Мы строим не рай. Мы строим самую совершенную тюрьму в истории человечества. Стерильность — это не чистота. Это отсутствие жизни. Мы вычистили из людей всё: запахи, эмоции, право на ошибку... и право на выбор».

Слова жгли глаза. Артём пролистал дальше.

«Они называют это "Оптимизацией". Мы оптимизировали всё. Питание безвкусно, чтобы не вызывать гастрономических привязанностей. Архитектура безлика, чтобы не вызывать эстетических споров. Мы даже оптимизировали сон, вводя мягкие седативные препараты в систему рециркуляции воздуха для снижения агрессии. Люди счастливы? Нет. Люди спокойны. Они функционируют».

Дрожь пробежала по телу Артёма. Спокойствие «Авроры», которое он всегда принимал за норму, теперь казалось ему пугающим безразличием зомби.

«Я заложил в проект "Авроры" уязвимость. Не ошибку в коде или слабость в сплаве обшивки. А уязвимость иного рода. Я оставил места вроде этого — забытые карманы старого мира. Я оставил их для тех, кто однажды задаст вопрос "почему?". Я оставил их для тебя, сынок».

Последняя запись была датирована днём его гибели.

«Они знают о моих сомнениях. Они знают о дневнике. Я должен сделать то, что должен, чтобы защитить тебя и то семя свободы, что я посеял здесь. Не верь их хроникам. Не верь их стерильному миру. За переборками есть другой мир — грязный, жестокий, но живой».

Артём сидел на холодном полу технического тоннеля и смотрел на голографическую проекцию Земли за толстым стеклом иллюминатора. Голубая планета больше не казалась ему безмятежным раем. Она казалась хаотичным, бурлящим котлом жизни.

В его руках была бомба замедленного действия — истина, способная разрушить до основания всё, во что он верил и чем жил всю свою жизнь. Идеальный мир «Авроры» дал первую трещину прямо у него в сознании. Сомнение было подобно вирусу — невидимому, но уже начавшему перестраивать его изнутри. И этот вирус был самым живым чувством, которое он когда-либо испытывал в своей стерильной жизни.

Он спрятал дневник и кристалл обратно в тайник и закрыл панель так же бесшумно, как и открыл её. Возвращаясь по коридорам станции к своей каюте под мерное гудение систем жизнеобеспечения, Артём больше не чувствовал себя её частью. Он был чужаком в собственном доме. И впервые за двадцать восемь лет он знал то, чего не знал больше никто на «Авроре».

Глава 2. Архитектура лжи

В ту ночь Артём не спал. Он лежал в своей каюте, глядя в потолок, на котором мягко пульсировал индикатор работы системы жизнеобеспечения, и слушал тишину. Но это была не та стерильная, пустая тишина, к которой он привык. Теперь она была наполнена эхом слов отца. «Стерильность — это не чистота. Это отсутствие жизни». Эта фраза билась в висках, как пульс.

Утром, придя на смену, он действовал как автомат. Проводил калибровку, сверял показания, отвечал на запросы ИИ. Его руки выполняли привычные действия, но разум был далеко. Он был там, в тайнике за панелью. Он должен был знать больше. Дневник был лишь прологом. Кристалл — вот ключ ко всему.

Вернувшись в каюту, Артём заблокировал дверь и активировал личный терминал. Он не стал подключать кристалл напрямую — это было бы равносильно тому, чтобы закричать о своих действиях на всю станцию. Вместо этого он потратил три часа на создание изолированной виртуальной среды, «песочницы», которая не имела связи с общей сетью «Авроры». Он использовал старые, почти забытые протоколы шифрования, которые изучил ещё в юности из чистого любопытства к истории сетей.

Наконец, когда система была готова, он вставил кристалл в ридер. На экране развернулась древняя файловая структура. Артём начал с текстовых документов. Это были рабочие чертежи, переписка с инженерами, отчёты о стресс-тестах. Он искал не технические детали. Он искал аномалии.

И он нашёл их. В одном из отчётов о безопасности за 2140 год была сноска, удалённая из всех официальных версий. В ней говорилось о «несанкционированном сигнале», исходящем с поверхности планеты в районе Уральских гор. Сигнал был слабым, зашифрованным по устаревшему военному стандарту и длился всего несколько секунд, после чего исчез. Служба Безопасности классифицировала его как «атмосферный шум» и закрыла дело.

Но его отец не закрыл. В личной переписке с другим инженером он писал: «Это не шум. Это маяк. Кто-то выжил там, внизу». Дальше шла ссылка на аудиофайл.

Дрожащими пальцами Артём запустил запись.

Сначала был только белый шум помех, но затем сквозь него пробился голос отца. Он звучал старше, чем на официальных портретах, и в нём слышалась нечеловеческая усталость.

«Если ты это слушаешь... значит, я не успел передать тебе это лично. Или я... уже не я. Не знаю. Слушай внимательно. Год назад мы поймали сигнал. Не из бункеров "Рубежа" и не от автоматических маяков корпораций. Живой сигнал. Человеческий. Они называют себя "Уральская Республика". Выжившие. Они пережили Катастрофу там, в горах. У них есть технологии, есть ресурсы, и самое главное — у них есть свобода. Они не живут в стерильных аквариумах по указке ИИ-директоров».

В записи послышался тяжёлый вздох и звук глотка воды.

«Я пытался донести это до Совета. Я говорил им: мы можем установить контакт! Мы можем обмениваться знаниями! Мы можем... вернуться домой. Но они боятся. Совет Директоров боится хаоса. Они боятся, что правда о жизни внизу разрушит их идеальный порядок здесь, наверху. Они называют это "сохранением стабильности". Я называю это тюрьмой».

Голос отца стал тише, почти шёпот.

«Они контролируют всё. Информацию, эмоции, даже мысли через эту проклятую "Оптимизацию". Ты дышишь ею с рождения, Артём. Ты никогда не знал вкуса настоящей еды или запаха дождя. А они там... они живут. По-настоящему живут. Я создал "Архитектуру лжи". Я построил эту клетку своими руками и теперь должен её разрушить. Я заложил в систему "Авроры" уязвимости. Не для саботажа, а для надежды. Для тех, кто захочет уйти».

Запись оборвалась на полуслове.

Артём сидел перед погасшим экраном и чувствовал, как внутри него рушится последний оплот веры в систему. Его отец не был героем-самоубийцей. Он был узником, который пожертвовал собой, чтобы оставить сыну ключ от двери.

Ему нужно было с кем-то поговорить. Ему нужно было убедиться, что он не сошёл с ума от этой правды. На «Авроре» был только один человек, которому он мог доверять — Кирилл.

Кирилл был его единственным настоящим другом с детства. В отличие от Артёма, который вырос в семье главного инженера и жил в просторной каюте на верхних палубах для персонала, Кирилл был родом с нижних уровней. Его семья жила на палубе D-9 — промышленной зоне станции.

Артём вызвал служебный лифт для спуска на нижние палубы. Поездка вниз всегда была испытанием для психики. С каждым пройденным уровнем воздух становился чуть более спёртым, освещение — чуть более тусклым и желтоватым, а гул систем жизнеобеспечения слышался низким, утробным рокотом гигантских промышленных установок.

Двери лифта открылись на D-9, и Артёма окутала совершенно другая реальность. Здесь не было панорамных окон с видом на Землю. Здесь были лишь глухие металлические стены, покрытые конденсатом и местами тронутые ржавчиной — первым признаком износа металла

в условиях космоса. Воздух пах озоном от сварки, машинным маслом и чем-то кислым — запахом тысяч людей, живущих в тесноте.

Он нашёл Кирилла в ремонтном цехе, где тот вместе с бригадой латал пробитую трубу системы охлаждения.

— Кир! — позвал Артём друга сквозь визг лазерного резака.

Кирилл обернулся. На его лице блестели капли пота, смешанные с машинной смазкой.

— Тёма? Ты что здесь делаешь? Тебя же за несанкционированный спуск могут... — он осёкся, увидев выражение лица друга.

— Мне нужно поговорить. Срочно.

Кирилл кивнул напарнику и отошёл с Артёмом в сторону, к нише у огромного вентиляционного короба.

— Что стряслось? Ты выглядишь так, будто увидел призрака.

— Хуже, — выдохнул Артём и быстро пересказал ему всё: про тайник, дневник и аудиозапись отца.

Кирилл слушал молча, прислонившись к холодной стене. Когда Артём закончил, он долго смотрел в пол.

— Я не удивлён, — наконец сказал он глухим голосом.

— Что? Ты знал?

— Нет. Но я всегда чувствовал это дерьмо нутром. Посмотри вокруг! — Кирилл широким жестом обвёл цех и видневшийся за ним жилой сектор палубы D-9. Узкие коридоры были забиты людьми в одинаковых серых комбинезонах рабочих. — Мы дышим переработанным воздухом похуже качеством, чем у вас наверху. Наши пайки менее питательны. Любая жалоба — это минус к рейтингу лояльности и риск перевода на внешние работы в открытом космосе без страховки.

Он понизил голос до шёпота:

— Мой отец умер три года назад от «внезапного отказа лёгких». Так сказали врачи из медблока В-22... который обслуживает вашу палубу. А я знаю точно: он работал с утечкой хладагента без должной защиты, потому что сменного комплекта не выдали вовремя из-за «оптимизации запасов». Его просто списали как поломку детали.

Артём смотрел на друга и видел то, чего никогда не замечал раньше: гнев и безысходность за его вечной улыбкой.

— Значит... ты мне веришь?

— Верю ли я? Да я мечтал об этом всю жизнь! Мечтал о том, что внизу есть что-то кроме радиоактивного пепла! Но что мы можем сделать? Бежать? Куда? В вакуум?

— Отец оставил мне инструкции, — Артём достал из кармана инфопланшет и вывел на экран зашифрованную схему станции. — Смотри. Вот здесь, на внешней обшивке сектора F-12, расположены спасательные плоты старого типа. Они предназначены для экстренной эвакуации при разгерметизации всего комплекса до прибытия спасателей с Земли... которых никогда не было.

— Плот? Ты серьёзно? Это же одноместная капсула из фольги и пластика! Она сгорит в атмосфере!

— Не сгорит, если её правильно модифицировать. Отец оставил чертежи доработок: дополнительный слой термостойкой обшивки из абляционных панелей (их полно на складах утилизации), усиленный каркас из титанового сплава (мы можем взять его здесь), ручная система навигации по звёздам... Это реально построить!

Кирилл смотрел на схему со смесью ужаса и восторга.

— Ты понимаешь, что если нас поймают за сборкой этой штуки... нас не просто понизят в рейтинге? Нас сотрут. Удалят из системы жизнеобеспечения как бракованный элемент.

— Я понимаю, — твёрдо сказал Артём. — Но я больше не хочу быть шестерёнкой в их идеальном механизме. Я хочу дышать настоящим воздухом. Я хочу знать вкус дождя.

Кирилл долго молчал, глядя на суету рабочих вокруг.

— Знаешь что? К чёрту их стерильный рай. Я с тобой.

Решение было принято.

Следующие две недели превратились для них в адский марафон конспирации под носом у всевидящего ИИ станции. Они работали только во время пересменок или плановых отключений датчиков в секторе утилизации (где работал Кирилл). Артём выносил со склада списанные материалы по частям под видом деталей для ремонта систем жизнеобеспечения своей палубы.

Спасательный плот они нашли в законсервированном состоянии в нише обшивки F-12. Это была действительно примитивная конструкция: пластиковый кокон с простейшим маяком-передатчиком и крошечным запасом кислорода на 12 часов полёта до поверхности планеты — по сути, билет в один конец без гарантий выживания при посадке.

Модернизация шла медленно и мучительно.

Каркас: Кирилл тайком вырезал секции из старых опорных балок заброшенной части палубы D-9, где шёл ремонт коммуникаций.

Обшивка: Они собирали списанные термоизоляционные панели со списанных спутников связи и грузовых капсул.

Системы: Артём перепрограммировал навигационный блок плота так, чтобы он игнорировал автоматические сигналы «Авроры» и мог проложить курс вручную по звёздам через плотные слои атмосферы.

Снаряжение: Самым сложным было собрать припасы для выживания после приземления: фильтры для воды из промышленных систем очистки (Кирилл знал все схемы), концентраты питательных веществ (Артём списывал их как «некондицию» со складов гидропоники), базовый набор инструментов и оружие — самодельный импульсный резак высокой мощности, переделанный из промышленного сварочного аппарата.

Каждый раз, возвращаясь после ночной смены к себе или идя на плановую работу утром мимо сотен равнодушных лиц, Артём чувствовал себя предателем системы. Он жил двойной жизнью: днём он был идеальным инженером Артемием Волковым, а ночью — беглецом-революционером. Но эта ложь давала ему больше свободы, чем вся правда «Авроры».

Когда последняя термоизоляционная панель была закреплена на каркасе плота изнутри тесной капсулы, а навигационный блок тихо пискнул, подтверждая ввод координат точки приземления где-то в предгорьях Урала (координаты были зашифрованы в аудиофайле отца), они переглянулись в тусклом свете аварийного фонаря.

Дело было сделано.

Плот был готов к запуску.

Теперь оставалось только дожидаться подходящего момента для побега — момента, когда их отсутствие заметят слишком поздно для перехвата капсулы системами орбитальной обороны «Авроры». Артём знал такой момент: плановая перезагрузка главного реактора станции раз в полгода приводила к кратковременному сбою во всех периферийных системах слежения внешнего контура безопасности...

Они пожали друг другу руки — крепко, по-мужски, скрепляя договор кровью и потом бессонных ночей. Впереди их ждал путь вниз, сквозь огонь атмосферы, к неизвестности выжженной планеты... но впервые за всю свою жизнь они чувствовали себя по-настоящему живыми.

Глава 3. Побег

Точка невозврата была пройдена. Дата плановой перезагрузки главного реактора «Авроры» стала их билетом в один конец. Это был единственный шанс, когда на несколько минут вся внешняя система слежения станции, включая радары и датчики движения, слеpla, перезагружаясь вместе с основным ядром. Артём и Кирилл знали, что у них будет ровно 147 секунд с момента начала цикла до того, как периметр снова станет непроницаемым.

Они встретились в техническом шлюзе сектора F-12 за час до назначенного времени. Вокруг них в тусклом красном свете аварийного освещения возвышался их монстр — модифицированный спасательный плот. Он уже не выглядел как хрупкая капсула. Это был угловатый, ошетилившийся сварными швами кокон из титана и абляционных панелей, похожий на яйцо гигантского металлического насекомого.

— Ты уверен в коде? — тихо спросил Кирилл, проверяя крепления самодельных ремней безопасности внутри капсулы. Его голос был спокоен, но в глазах плясали отблески адреналина.

— Уверен. Я переписал алгоритм отклика на сигнал «свой-чужой». Для их сенсоров мы будем просто куском космического мусора, отвалившимся от обшивки во время вибрации при перезагрузке. Пока они поймут, что это не так, мы уже войдём в плотные слои атмосферы.

Артём проверил свой скафандр. Это был не стандартный лёгкий комбинезон, а тяжёлый аварийный костюм, который он «позаимствовал» из резервного склада для внешних работ. Он был громоздким и сковывал движения, но мог выдержать чудовищный перепад температур и давления при спуске.

— Время, — выдохнул Кирилл, глядя на таймер на своём планшете.

Артём кивнул и активировал протокол саботажа. Это была самая опасная часть плана. Он не мог просто отключить системы — это вызвало бы мгновенную тревогу. Он должен был заставить их поверить в сбой.

Он ввёл последнюю команду. По всей станции прокатилась едва заметная волна: на долю секунды мигнул свет в каютах верхнего уровня, на секунду стих привычный гул вентиляции, а затем вернулся с новой силой. В этот же момент в секторе F-12 сработали пироболты, удерживавшие их капсулу. С резким щелчком плот отделился от внешней обшивки «Авроры».

Началось свободное падение.

В первые секунды не было ничего. Ни движения, ни звука. Только оглушительная тишина космоса и вид удаляющейся станции — гигантского, сияющего в лучах солнца металлического диска, который был их домом и их тюрьмой. Затем капсула начала медленно вращаться, и станция ушла из поля зрения, уступив место чёрной бездне с россыпью холодных звёзд и огромным, пугающе близким голубым шаром Земли.

— Входим в гравитационное поле, — прохрипел в наушниках голос Кирилла. — Телеметрия пошла.

Артём не ответил. Он был парализован зрелищем. Они падали не вниз — понятие «низ» здесь отсутствовало. Они падали к планете, которая с каждой секундой росла в размерах, закрывая собой всё обозримое пространство. Океаны из чёрных превратились в тёмно-синие, затем стали видны спирали циклонов, а после — разрывы в облачном покрове, сквозь которые проглядывала коричнево-зелёная суша.

Включились тормозные двигатели. Их рёв, передаваемый вибрацией через корпус капсулы, был первым настоящим звуком за всё время падения. Перегрузка вдавила Артёма в кресло с такой силой, что он почувствовал, как скрипят его собственные кости. В иллюминаторе вспыхнуло ослепительное белое пламя — капсула вошла в верхние слои атмосферы.

— Температура обшивки растёт! — крикнул Кирилл, следя за показаниями примитивного датчика. — 800... 1200... 1500 градусов! Держится!

Снаружи бушевал ад. Плазма, образовавшаяся от трения о воздух, полностью окутала капсулу коконом огня. Артём видел лишь сплошную белую стену за толстым стеклом иллюминатора. Он чувствовал себя пылинкой, летящей сквозь солнечную корону. Грохот стоял невыносимый, словно сама планета пыталась стряхнуть с себя непрошенных гостей.

Внезапно тряска усилилась до безумной вибрации. Одна из самодельных панелей на корпусе не выдержала и с треском отлетела, унося с собой клочья горящего абляционного материала.

— Потеря фрагмента обшивки! — заорал Кирилл. — Но основной каркас цел! Мы замедляемся!

Пламя за окном начало редеть, превращаясь из сплошной стены в рваные клочья огня. Скорость падения падала. Из вертикального пике капсула перешла в пологое планирование. Земля была уже совсем близко: они неслись над бескрайним океаном, оставляя за собой дымящийся инверсионный след.

Включился высотомер.

— 5000 метров... 4000... Раскрытие парашюта!

Над капсулой с хлопком раскрылся огромный купол стабилизирующего парашюта, а секунду спустя — основной. Рывок был настолько мощным, что у Артёма потемнело в глазах. Тишина космоса сменилась свистом ветра.

Они спускались медленно, плавно покачиваясь под куполом парашюта. Океан внизу был спокоен и казался зеркальной гладью.

— Мы сделали это... — прошептал Кирилл по связи. В его голосе было неверие и восторг одновременно.

Но Артём не успел ответить. На панели управления замигал красный огонёк системы дальнего обнаружения.

— Фиксирую множественные цели! — его голос сорвался на крик. — Дроны! Три... нет, четыре единицы! Идут на перехват с орбиты!

Совет Директоров не дремал. Их побег заметили раньше, чем они рассчитывали. Сброшенные с орбиты автоматические охотники были быстрыми и смертоносными.

— Они не успеют до приводнения! — крикнул Кирилл, лихорадочно отстёгивая ремни безопасности. — Но как только мы коснёмся воды...

Капсула ударилась о поверхность океана с силой тарана. Удар выбил воздух из лёгких Артёма. Вода хлынула через пробоину отлетевшей панели. Капсула мгновенно начала крепиться и наполняться водой.

— Наружу! Быстрее! — заорал Кирилл.

Они выбили аварийный люк и вывалились прямо в ледяную воду Тихого океана. Артём вынырнул, отплёвываясь солёной водой и пытаясь сорвать с головы шлем скафандра. Рядом барахтался Кирилл.

В небе над ними раздался пронзительный визг реактивных двигателей. Четыре чёрные точки дронов пронеслись над местом приводнения на бреющем полёте.

— Они нас засекли! Ныряй!

Дроны развернулись для второго захода. Это были не боевые машины для космоса, а атмосферные охотники-камикадзе. Их задача — найти и уничтожить.

Артём увидел спасательный плот — ярко-оранжевое пятно на воде метрах в двадцати от них. Он был привязан к капсуле тонким тросом.

— К плоту! Плыви к плоту!

Они рванули к нему изо всех сил, загребая воду руками в тяжёлых перчатках скафандров. Первый дрон уже пикировал на них.

— Ложись!

Они нырнули за секунду до того, как над водой пронёсся ослепительный луч лазера, испарив несколько кубических метров воды там, где они только что были. Ударная волна подбросила их вверх.

Кирилл первым достиг плота и начал яростно резать трос своим самодельным резакон. Лезвие гудело под водой.

— Я не успеваю! Он армированный!

Второй дрон заходил в атаку по более пологой траектории.

— Режь! Режь! — кричал Артём, глядя то на приближающуюся смерть с неба, то на друга.

Лазерный луч ударил в воду всего в пяти метрах от них. Кипящая вода обожгла ноги Артёма сквозь ткань скафандра. В тот же миг трос лопнул.

— Есть! Забирайся!

Артём последним перевалился через борт надувного плота. Кирилл уже сидел у пульта управления крошечным электродвигателем и жал на газ до упора.

Дроны пошли на третий заход, выстраиваясь в атакующую формацию для удара наверняка.

— Они нас сейчас поджарят! — закричал Кирилл.

И тут океан ответил им яростью природы. С запада стремительно надвигалась стена чёрных туч. Ветер, который только что был лёгким бризом, за секунды превратился в ураганный шквал. Волны выросли до трёх-четырёх метров, подбрасывая лёгкий плот как щепку.

Первый же порыв ветра швырнул плот так сильно, что траектория лазерного залпа дронов прошла мимо всего на метр-полтора, лишь опалив край плота и испарив часть запаса пресной воды из канистры.

А затем их накрыл шторм.

Мир превратился в хаос из воды, ветра и тьмы. Небо и океан слились в единую ревущую стихию. Дроны исчезли так же внезапно, как и появились — их сенсоры были бесполезны в этом аду, а программа запрещала рисковать аппаратурой в условиях нулевой видимости над бушующим океаном.

Они выжили от орбитальной погони только для того, чтобы быть поглощенными гневом планеты.

Следующие сутки превратились в борьбу за выживание на утлом судёнышке посреди бушующего Тихого океана. Волны постоянно захлёстывали плот, грозя перевернуть его или просто смыть всё снаряжение и их самих в ледяную воду. Они привязали себя к специальным петлям остатками троса от капсулы.

Связь с «Авророй» пропала почти сразу после приводнения — мощнейший электромагнитный импульс шторма вывел из строя их примитивный передатчик.

— Мы одни, Кир... — прошептал Артём во время короткого затишья между порывами ветра. Он сидел на дне плота, обхватив колени руками и пытаясь согреться. Его скафандр промок насквозь изнутри от пота и морской воды.

Кирилл не ответил сразу. Он сидел у румпеля электромотора (который они даже не пытались включить при таком волнении) и смотрел в непроглядную тьму шторма невидящим взглядом.

— Знаешь... я всегда думал... что там внизу... будет лучше... чем здесь... наверху... — его голос был хриплым от холода и усталости. — А здесь... такой же ад... только мокрый...

К утру шторм начал стихать так же внезапно, как и начался. Ветер ослаб до сильного бриза, волны стали ниже и длиннее. Но стихия оставила им страшный счёт к оплате.

Когда Артём смог наконец осмотреть плот при свете пробивающегося сквозь тучи солнца, он понял весь ужас их положения:

Потеря припасов: Почти весь запас пресной воды был потерян при лазерной атаке или выплеснут волнами. Осталось две неполные фляги на двоих — максимум на сутки при экономном расходе.

Потеря навигации: Планшет со звёздными картами и координатами точки назначения (Урала) был залит морской водой и превратился в бесполезный кусок пластика и металла.

Потеря связи: Передатчик мёртв окончательно.

Потеря оружия: Их самодельный резак сорвало с креплений во время одного из ударов волны и унесло в океан вместе с частью крепежа плота.

Физическое истощение: Они были измотаны до предела холодом, сыростью и постоянным напряжением последних часов.

Океан вокруг был пуст и безмолвен до самого горизонта во все стороны. Ни клочка суши, ни корабля спасателей (да они бы и не стали их спасать), ни даже птиц в небе над этим пустынным участком океана.

Солнце палило нещадно, отражаясь от воды и вызывая головную боль и тошноту от обезвоживания и теплового удара. Они разделили последнюю флягу воды пополам и молча выпили её маленькими глотками.

Артём лежал на дне плота и смотрел в небо сквозь разрывы в облаках. Впервые за свою жизнь он видел настоящее небо — живое, меняющееся каждую секунду, грозное и прекрасное одновременно. Он видел звёзды днём сквозь тонкую пелену облаков — те самые звёзды, по которым они должны были лететь к своей цели всего несколько часов назад.

Теперь у них не было ни карты, ни компаса, ни цели впереди была лишь бесконечная водная пустыня под бескрайним небом чужой планеты.

Он остался один на один с этим миром. Кирилл лежал рядом без сознания или мёртвый от переохлаждения — сил проверять уже не было. Океан мерно покачивал плот на длинных пологих волнах похоронным маршем для двух беглецов из стерильного рая.

Артём закрыл глаза под палящим солнцем и провалился в тяжёлое забытьё обезвоживания, где стерильные коридоры «Авроры» смешивались с реющим пламенем спуска и ледяными объятиями океана...

Глава 4 .Берег

Артём очнулся от того, что его тело сотрясала крупная дрожь. Не от холода — от невыносимой, выворачивающей наизнанку жары. Солнце стояло в зените, и натянутый тент плота не спасал от его безжалостных лучей. Губы потрескались, язык распух и казался чужеродным куском мяса во рту. Он попытался сглотнуть, но в горле заскребло, как от наждачной бумаги.

Рядом кто-то слабо застонал. Артём с трудом повернул голову. Кирилл был жив. Он лежал на боку, подтянув колени к груди, и дышал прерывисто, со свистом. Его лицо, обычно смуглое, было мертвенно-бледным, а губы приобрели синеватый оттенок.

— Кир... — прохрипел Артём. Голос был похож на карканье вороны.

Кирилл не ответил, но его веки дрогнули.

Артём заставил себя сесть. Мир качнулся, к горлу подступила тошнота. Он обвел взглядом горизонт, уже не надеясь ни на что. И замер. Далеко-далеко, почти на грани видимости, темной неровной полосой маячила суша.

Это было похоже на мираж. Он протер глаза тыльной стороной ладони, покрытой коркой соли и ожогов. Полоса не исчезла.

— Кир... Земля... Смотри.

Собрав последние силы, они спустили промокший парус (остатки их припасов) и закрепили его как киль. Электромотор давно сдох, залитый морской водой, и теперь их единственным двигателем был ветер и течение. Они лежали на дне плота, глядя на приближающийся берег, и боялись поверить в спасение.

Спустя вечность плот заскрежетал дном по гальке и замер. Они были у берега.

Это был Кольский полуостров. Место, которое на картах «Авроры» значилось как «Зона отчуждения: уровень радиации — критический». Но сейчас счетчик Гейгера в наручном компасе Артёма лишь изредка лениво шелкал, фиксируя фон, лишь немногим превышающий норму для верхних палуб станции.

Они выбрались из плота и рухнули на усыпанную камнями и высохшими водорослями землю. Это было первое прикосновение к настоящей суше в их жизни. Почва была твердой, холодной и... живой. Под пальцами ощущались не гладкий пластик или стерильный металл, а острые грани камней и упругость высохших водорослей. Воздух пах иначе. В нем не было стерильного озона и фильтрованной свежести. Он пах солью, йодом, гниющей органикой и чем-то еще... чем-то земным и первобытным.

— Мы... дошли? — прошептал Кирилл, не веря своим глазам.

Артём не ответил. Он смотрел на береговую линию. Это был не тот мертвый пейзаж из учебных фильмов. Берег не был пуст. В сотне метров от них из воды торчали ржавые скелеты остовов кораблей — огромных сухогрузов и танкеров, брошенных здесь десятилетиями назад. Их борта были изъедены коррозией, надстройки покосились. Это было кладбище стальных гигантов, молчаливое свидетельство былой мощи человечества.

За линией прибоя начиналась серая, поросшая жестким кустарником тундра. А еще дальше, у самого горизонта, возвышались горы — древние, сглаженные временем хребты Кольского полуострова. Небо над ними было низким и тяжелым.

Солнце начало клониться к закату.

— Надо найти укрытие до темноты, — сказал Артём. Его голос окреп от прилива адреналина. Выживание — это была понятная задача. У них была цель.

Они оттащили плот выше по берегу, спрятав его за огромным валуном, поросшим мхом. Затем начали подъем по склону холма в поисках места для ночлега. Каждый шаг давался с трудом: мышцы ног сводило судорогой после долгого плавания, а непривычная гравитация планеты казалась изнуряющей.

Они нашли небольшую расщелину между двумя скалами. Она была неглубокой, но защищала от ветра. Вход в нее можно было завалить камнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.